

— В обычное время её слово значило больше сотни чужих, но сейчас, охваченная яростью, я не стала её слушать. В мыслях я уже перебирала все целебные снадобья мира, что могли бы помочь, и, не обращая на неё внимания, крикнула в дверь:

— Ступайте в аптеку и принесите мне мои обычные лекарства! Если кто откажет, скажите, что я при смерти, и пусть сами решают, что делать!

Несколько человек побледнели от страха, столпились у входа, затем так же тесно вышли. Я снова села рядом с А-Хуань, потрогала её лоб и, убедившись, что жара нет, немного успокоилась.

— Что случилось? Я слышала от Ваньэр, будто из-за начальника почтовой станции?

— Не из-за госпожи Шангуань Цайжэнь, — ответила она. — Ваше Величество твёрдо решила нас наказать. Едва мы вошли, как нас окружили, развели по разным углам и начали выпытывать про утренние события — слово за словом. Выяснив всё, даже не стали докладывать Её Величеству, а сразу велели дать по двадцать ударов. Всё происходило во внутреннем зале, нас не выводили, запретили кричать, чтобы не потревожить высоких особ.

Этой «высокой особой», выходило, была я. Теперь понятно, почему Ваньэр так торопилась уговорить матушку покинуть зал — чтобы наказать моих людей за моей спиной! А я-то всегда относилась к ней с почтением, как к наставнице. И вот как она обошлась с моей А-Хуань.

Гнев и горечь сдавили сердце. Я стиснула кулаки, зубы скрипнули. Внезапно вспомнив о чём-то, я поднялась, чтобы выйти, но А-Хуань остановила:

— Куда? Если за отпущением — не надо.

Она угадала. Я поспешила успокоить:

— Нет-нет, не за этим. Пойду посмотреть, не несут ли лекарства. — Не желая её тревожить, вернулась и села.

Она повернула ко мне лицо:

— Почему вернулась?

— Только сообразила: они ведь недавно ушли, вряд ли так скоро вернуться. — Боясь новых вопросов, заговорила о другом:

— Кого ещё, кроме тебя?

— Наказали всех, кто выходил утром. Евнухов — особенно жестоко, по сороку ударов. Мне ещё легко досталось. Сяньсянь тоже побили. Тебе бы спросить о ней, а не только обо мне смотреть.

— Я в курсе, не беспокойся. Отдыхай лучше. — Взглядом задела её открытую спину и потянулась поправить одеяло.

Она отмахнулась:

— Жарко и душно, не надо.

Тут вошла Сяолан с моими обычными снадобьями и тихо доложила:

— Осмелилась сказать, будто принцесса, выпив, упала и ушиблась. Только так и выпросила.

А-Хуань нахмурилась, услышав эту ложь о моей травме. А когда я сказала: «Отлично справилась. Сама возьми со склада сто штук шёлка», — уставилась на меня ещё пристальнее. Я знала, что она смотрит, и, дождавшись ухода Сяолан, пояснила:

— Не бойся, я специально её наградила. Пусть все знают, какое ты для меня значение имеешь. Ваше Величество тоже ведаёт, что вас наказали несправедливо, меня не осудит.

А-Хуань спросила:

— Ты только что о Шангуань Цайжэнь говорила, да и про то, что Ваше Величество в курсе... Неужто... Её Величество через неё что тебе передала? Почему так поздно вернулась, да ещё от тебя вином пахнет? На пиру где была?

Я помедлила, затем пересказала ей слова Вангэр, с горечью добавив:

— Жаль, что второй брат меня заметил. Не увидь он — и тебе бы не пришлось страдать.

Но А-Хуань задумалась, на миг застыв, потом, опершись на локоть, потянулась ко мне. Отстраниться — боялась, как бы она, потянувшись, рану не тревожила. Не отстраниться — но окно-то на щелочку открыто, да и слуги снаружи. Позволила себя как следует ущипнуть, пробормотав:

— Люди снаружи. Не щипай внезапно — закричу ненароком. — Сама взяла её руку, а она от боли крикнула. Я укоризненно:

— Спину-то тебе отбили, а ты всё не уймёшься.

Она, не моргнув, смотрела на меня:

— Ущипнуть тебя хочу — разве нельзя? Я так сильно ранена, одно только желание и осталось — ущипнуть тебя, а ты и того жалеешь.

Что с ней поделать? Пришлось велеть слугам отойти подальше, присесть на корточки и подставить лицо:

— На, бери.

Она, улыбаясь, принялась меня щипать да мять, пока сама от боли не вспотела, и тогда отпустила, устроившись поудобнее. Вздохнула с грустью:

— Говорят, небо умных жалуёт. А по-моему, дураков. Иначе как такой, как ты, такая удача выпала?

Я с недоумением на неё смотрела. Она ещё немного повздыхала, потом сказала:

— На второго брата не сердись. Ваше Величество изначально тебя позвала, наверное, зная, что ты не выдержишь. Всё это представление для посторонних устроено: мол, даже принцесса Чанлэ, пожелавшая о простолюдинах позаботиться, наказана. Теперь любой, кто посочувствует ему и заступиться захочет, десять раз подумает: а он тебя роднее? Знатнее? Хватит ли у него жизни гнев Вашего Величества вынести? Нас-то побили, а удар по твоему лицу пришёлся.

Моё возмущение только росло:

— Лучше бы матушка сама мне пощёчин дала — кожи у меня толстой, не страшно. А эти палки — разве шутка? Кости-жилы повредить ненароком можно! Уж лучше бы меня заставила сутры переписывать или на коленях стоять — лишь бы не тебя... не вас.

Она горько усмехнулась:

— Тебя и так без вины виноватой мишенью сделали, разве Её Величество станет тебя наказывать? Глянь: нас-то побили, а она уже сердцем изнывает, да ещё Шангуань Цайжэнь специально прислала, чтобы тебе всё растолковала, — как бы ты не задумалась да не обиделась. В других семьях, не то что в знатных, в простых даже, разве станет свекровь, наказав невесткиных служанок, объяснения давать? Ваше Величество тебя до беспамятства любит, даже за эту малость боится, как бы ты, молодая да нежная, не снесла. Как же она тебя всерьёз накажет? А мы — другое дело. Эх.

Она снова вздохнула. Я прижалась к ней щекой:

— Матушка меня бить не хочет, так ты побей. Из-за меня ты обиду приняла.

А она меня по щеке легонько потянула и с улыбкой сказала:

— Твоя матушка не хочет, а я разве хочу? И впрямь дурочка несусветная, безнадёжная.

От этих слов мне и смех, и слёзы подступили. Злость, не находя выхода, обрушилась на Ли Жуя:

— Если так, шестой брат положением выше, почему его «пугалом» не сделали?

А-Хуань на меня покосилась:

— Наказать тебя и наследного принца — одно и то же?

Само собой, я понимала: наследный принц — опора государства, без веской причины наказывать нельзя. Да и трон он только занял, авторитет невысок — его и подавно беречь надо. Но от осознания этого злость лишь распалась:

— Выходит, потому что он мужчина, а я женщина, он наследным принцем быть может, а я нет, вот его людей и не трогают, а моих бьют? Чистой воды беспредел! Дождётся, я ещё докажу, что и женщину обижать не след.

А-Хуань фыркнула, ткнув меня в щёку:

— Сама всё понимаешь, а говоришь, как малое дитя. К чему? Пронюхают — нам же хуже будет.

Я прикусила язык. Внутри будто огнём горело. Я знала, что винить следовало одну матушку, но винить её не смела и не могла. Оттого огонь разгорался, не находя выхода. Взглянула на А-Хуань: лицо от боли бледное, брови сведены; стоны от боли слышались, но, поворачиваясь ко мне, она насильно улыбалась. Зубы сами собой стиснулись, руки вцепились в постель. А-Хуань снова потянулась ущипнуть меня за щёку, поворачивая моё лицо к себе. Лишь после нескольких раз я опомнилась и спросила:

— Сильно болит?

Она кивнула. За эти мгновения лоб уже покрылся испариной. Я поспешила платком вытереть её, хотела позвать служанок перевязать раны, но она мою руку остановила:

— Не поможет. От лекарств ещё больнее — будто кожу сдирают. Лучше дай просто полежать.

У меня сердце тоже будто на части рвалось. Сдерживая слёзы, сказала:

— Тогда я с тобой поболтаю. Отвлечёшься — боль утихнет. Знаешь, что Дугу Шао сегодня вытворяла? У матушки с кем-то в чжуцзюй играла, выиграла. Туаньэр подлизываться попыталась, похвалила её, а та внимания не обратила. Потом ещё на подарок, что Туаньэр приготовила, сетовала... На пиру матушка велела нам стихи сочинять. Старший брат тётушки Цинхэ сразу пятнадцать написал! Мы думали, гений явился, а там сплошь: «Слева цветочек, справа красавица». Дядя так разозлился, что побить его хотел, а матушка чуть со смеху не померла... Ты что?

<http://bllate.org/book/16278/1466767>